

Н. А. Поликарпова

Концепт «смерть» и его смысловые вариации в истории Древнего Рима

Статья является попыткой осмысления концепта «смерть» в контексте истории Древнего Рима (VIII в. до н. э. – V в. н. э.), выявления этапов трансформации представлений о прекращении витальности под воздействием различных факторов (гендер, социальные статусы и роли, род занятий, происхождение и др.).

Ключевые слова: Древний Рим, смерть, прекращение витальности, бинарная оппозиция «свой-чужой», эволюция, трихотомия, гендер.

N. A. Polikarpova

Concept “Death” and Its Semantic Variations in the History of Ancient Rome

The article is an attempt of comprehending the concept “death” in the context of history of Ancient Rome (VIII century BC – V century D. C.), revealing the stages of transformation of representations about the vitality extinction under the influence of various factors (a gender, social statuses and roles, an occupation, an origin, etc.).

Keywords: Ancient Rome, death, vitality extinction, binary opposition “own-alien”, the evolution, trichotomy, a gender.

В современной исторической науке *смерть* рассматривается как один из коренных параметров коллективного сознания [1]. Отказ от восприятия смерти исключительно как биологически детерминированного явления вызван интересом историков к вопросам ментальностей, социально-психологических установок, способов восприятия мира [2], стремлением постичь духовный универсум людей иных эпох и культур [3]. Таким образом, изучение проблемы смерти, включающее рассмотрение таких вопросов, как представления о кончине, связи между живыми и мертвыми, позволяет существенно «углубить понимание многих сторон социально-культурной действительности минувших эпох, лучше понять, каков был человек в истории» [4].

В рамках различных отраслей знания довольно много исследований, объектом изучения которых является проблема смерти [5], тогда как в пределах истории Древнего Рима по данной проблематике до сих пор не создано фундаментальных трудов [6].

Заполнить существующие в этой теме лакуны позволяют богатейших данные многообразных по происхождению и времени создания письменных источников – сохранившихся до наших дней «следов» древнеримской цивилизации [7].

Источники свидетельствуют о том, что отношение римлян древнейшего периода их истории к смерти носило черты двойственности, которая

проистекала из аналогичного восприятия жителями древнего Лация окружающей действительности. К примеру, пространство у римлян и большинства стадияльно близких к древнейшему Риму племен и народов «распадалось» на обжитое, то есть «свое», и территории, удаленные от места их обитания, являвшиеся источником разного рода опасностей, или пространство «чужое». На принципах принадлежности к одной из указанных частей бинарной оппозиции «свой-чужой» основывались также религиозная сфера римлян, самоидентификация индивида, система ценностей, модели поведения. Данная формула четко разделяла людей на «своих» и «чужих», отношение к представителям которых было полярным. Поскольку жизнь близкого и чужака ценилась неодинаково, смерть каждого из них воспринималась по-разному, сопровождалась проявлениями разных чувств и эмоций.

Законы XII таблиц, древнейший писанный свод законов, аккумулировавший нормы обычного права, позволяет проследить дихотомию в восприятии смерти жителями царского периода в истории Рима, а также населения ранней Республики [8].

Так, закрепленная в тексте Законов кровная месть предусматривала расплату смертью за смерть [9]. В данной ситуации лицо, совершившее деликт, автоматически возводилось в статус врага, ненавистного человека, «чужого», смерть

которого не только не вызывала жалости и раскаяния, но порождала чувства гордости, удовлетворенности от восстановленной справедливости.

При этом родственные связи, возрастные и гендерные особенности не являлись защитой от «наказания смертью». Так, согласно Законам XII таблиц, неотъемлемым правом домовладыки являлось умерщвление не отличающегося красотой и здоровьем новорожденного [10]. Главной целью прерывания жизни физически несовершенного младенца было эгоистическое стремление главы семейства воспроизвести себя, продлить свою жизнь через воплощение исключительно в здоровом потомстве. Наличие у ребенка признаков отклонения от принятого в римском обществе эталона порождало в родителе чувство отчужденности, стремление отмежеваться от такого младенца [11], приводило к вытеснению его в категорию «чужого», смерть которого в условиях высоких показателей как смертности, так и рождаемости не имела негативной коннотации.

К категории «инога», или «врага», жители Древнего Рима могли причислить также должника, имевшего нескольких кредиторов. «При займе должник продавался своему кредитору, так что новый заем был невозможен при существовании старого. Если же у одного должника оказывалось несколько кредиторов, то это могло произойти лишь путем обмана со стороны должника; такой должник возмущал своих кредиторов, и они требовали мести» [12], осуществлявшейся путем разрубания тела должника на части, пропорциональные задолженности конкретным займодавцам [13].

Подобные примеры удалось обнаружить и в произведениях древнеримских авторов. Так, мифологический эпос Овидия «Метаморфозы» [14], воссоздающий картины мира ранних периодов римской истории, свидетельствует об амбивалентном представлении древних римлян о мире и человеке. При этом границы между категориями «своего» и «чужого» не были ригидны, однако подвижность в рамках данной оппозиции была, как правило, односторонней и предполагала вытеснение ввиду различных причин лиц в категорию «других», или чужаков. Это проявлялось, к примеру, когда глава фамилии наказывал свою изнасилованную дочь, которая, «опозорив» семью, вытеснялась из числа родственников в разряд «чужих», врагов, подлежащих физическому устранению [15].

Аналогичная ситуация прослеживается и в случаях с рабами, с той лишь разницей, что данный представитель «мира вещей» изначально причислялся к разряду «чужих», врагов [16], истязание и умерщвление которых являлось законодательно закрепленной и укорененной в сознании римлян нормой [17].

Свидетельства иного отношения к смерти близкого человека («своего») обнаруживаются в заботе членов фамилии об организации процесса погребения и поминовения усопшего. Законы XII таблиц вводили запрет на слишком пышные, помпезные проводы покойного и призывали ограничивать выражение скорби, воплощавшееся преимущественно в причитании женщин [18]. Однако, игнорируя законы, многие продолжали тратить на похороны огромные средства: одни – из любви к покойному, другие – из тщеславия [19]. Упоминания в художественных произведениях момента кончины родных людей неизменно сопровождаются описанием горя, скорби родственников от понесенной утраты [20].

Таким образом, гибель «своего» причиняла боль, приводила к осознанию конечности существования, к этому подспудно примешивалось чувство страха перед смертью, тогда как кончина «чужого» не представлялась чем-то зловещим и устрашающим, наоборот – алчущий гибели врага житель Рима всячески способствовал ее наступлению.

Развитие общества, усложнение процессов, протекавших в человеческом сознании, являлись толчком для аналогичных модификаций в сфере восприятия смерти. От биполярного, дихотомического отношения к смерти, характерного для римского общества до V в. до н. э., взгляды на смерть эволюционировали в сторону многомерного, а именно трихотомического восприятия данного явления. Залогом усложнения представлений о смерти стало размывание границ между категориями «свой» и «чужой». Во времена поздней Республики и ранней Империи концепт «свой» разрастается: теперь он включает всех лиц, имеющих статус гражданина, к которым, под влиянием развития моральных норм и системы судопроизводства, процедура умерщвления применяется гораздо реже, чем раньше [21]. Категория «чужого» воплощается преимущественно в лице неримских народов – потенциальных врагов всего Римского государства, а также представителей «вещного мира» (рабы и гладиаторы). Изменение соотношения в рамках бинарной оппозиции, табуирование мести и кровавого само-

суда в отношении граждан означали сужение рамок выплеска деструктивных эмоций, локализацию их проявлений на полях сражений, аренах цирка, во взаимодействии с «говорящей» вещью.

Индивидуальность, «инаковость» представлений о смерти обеспечивалась усложнением общественных структур и представлений о мире в целом. Сегрегирование социума по принципу принадлежности к определенному полу, складывание представлений о связи женской его части с природой и сферой приватного, а мужской – с категориями культуры: знаниями, цивилизованностью и публичным их проявлением – определяло различия во взглядах мужчин и женщин на смерть. Убежденность в биологической обусловленности неравенства полов закрепляла подчиненное положение женщины, позволяла конструировать слабо инвертируемые гендерные роли и социальные статусы, правовые и функциональные возможности женщины. По свидетельствам Светония, жизнь женщины, даже знатной и приближенной к власти, вряд ли могла считаться устойчивой и стабильной. Так, свою первую жену – Октавию – Нерон несколько раз пытался удавить, вторую же – Поппею «убил, ударив ногой, беременную и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упреками» [22].

Таким образом, в условиях преобладания в обществе маскулинного начала над феминным, положение женщин, не являвшихся полноправными гражданами, в рамках оппозиции «свой-чужой» было срединным между данными полярными единицами. В этой связи, по свидетельствам источников, римлянки были менее защищены от разного рода физического воздействия со стороны мужской части социума, однако, находясь в этой своеобразной иерархии выше рабов и гладиаторов, все же в меньшей степени подвергались открытому, публичному насилию. Кроме того, физиологические особенности женщины, ее «запрограммированность» обществом на исполнение функции деторождения, установленная цикличность жизни [23], накладывали свой отпечаток на восприятие смерти жительницами Древнего Рима.

Мужчинам также были присущи индивидуальные особенности восприятия смерти, что зависело от статуса человека, выполняемой им деятельности, индивидуальных черт характера. Например, воины в римском обществе находились на особом положении, но ввиду такого статуса «защитников» государства и требования к

ним предъявлялись довольно серьезные. Так, Юлий Цезарь особенно жестоко карал беглецов и бунтовщиков [24], император Октавиан казнил каждого десятого, отступавшего перед врагом, а остальных переводил на ячменный хлеб [25], ибо «высший позор – предпочесть бесчестие смерти и ради жизни сгубить самое основание жизни» [26].

Бинарная конструкция восприятия смерти, таким образом, не претерпела внешних изменений, но, трансформируясь изнутри, приобретая большую аморфность, эфемерность, она все же продолжала являться остовом при формировании представлений о смерти. Однако новой категорией, своего рода надстройкой, засвидетельствованной в известном юридическом учебном пособии II в. н. э. – Институциях Гая, явилась, по терминологии французского исследователя В. Янкевича, «смерть в третьем лице». Такая смерть касалась некоторого отвлеченного лица, лишеного как положительной, так и отрицательной коннотации. Статьи Институций в таких случаях лишь констатировали факт ухода из жизни какого-либо лица или группы лиц, но никакой эмоциональной нагрузки такие факты не несли, так как смерть определенного лица здесь не являлась доминантой, а воспринималась лишь как результат события, требовавшего законодательного регулирования [27]. Смерть такого индивида, свободная от пугающих подробностей и описаний, не затрагивала эмотивную составляющую человеческой души, а поэтому и рассматривалась как свершившийся факт, как некая данность.

Таким образом, ко II веку н. э. представление о смерти трансформировалось, переросло в многомерное восприятие с множеством оттенков и полутонов, которые обеспечивались усложнением общественной структуры и варьированием проявления эмоций при уходе из жизни представителей различных категорий населения «вечно-города».

Источники, созданные на закате Римской империи или после ее распада, позволяют взглянуть на смерть глазами представителей разных возрастных, гендерных, социальных, профессиональных категорий и групп. Так, юридический источник, созданный на базе римского права – Дигесты Юстиниана [28], свидетельствует о том, что представление об уходе из жизни, к примеру, у воина, женщины и раба существенно различались. Для солдата пасть смертью храбрых в кровавой сече было почетно, а принять смерть на глазах у своих товарищей как расплату за нару-

шение устава – унизительно. Чувство стыда могло натолкнуть ослушника на мысль о самоубийстве как естественной возможности избежать позора и негласного осуждения [29].

Поскольку основным назначением женщины в Древнем Риме считалось продолжение рода, а небезопасность процесса деторождения вела к частым случаям гибели матери и/или ребенка во время родов [30], то женская фертильность, а также практикуемые аборт и непроверенные средства контрацепции способствовали формированию особого представления женщин о смерти. Согласно статистике, «от пяти до десяти процентов беременностей заканчивалось смертью матери либо во время родов, либо после» [31].

Потеря супруга, нередко обрекавшая женщину на лишения, нищету и даже смерть, в очередной раз подчеркивала зависимость данной категории лиц от обстоятельств, жизни и решений других индивидов, усугубляя чувство безысходности, незащитности перед будущим [32].

У рабов и гладиаторов смерть вызывала вполне объяснимый панический страх, безнадежность, часто порождала проявление суицидальных наклонностей как стремление к наименее мучительным способам прекращения витальности. Рабы в качестве узаконенного, а соответственно, справедливого наказания могли быть «заключены господами в оковы, клеймены горячим железом, допрашиваемы пытками за преступление и избиты в совершении такового ... предназначены бороться с дикими животными и брошены или на арену цирка или в тюрьму» [33]. Однако наряду с хорошо известными видами экзекуции появлялись и новые, отличавшиеся особой жестокостью, что было связано с изменением значения наказания, «главной целью которого стало уже не возмездие, а устрашение» [34], поэтому наиболее часто применялась кара, связанная с причинением максимальных физических страданий.

Итак, восприятие смерти древними римлянами становилось сложнее, что обеспечивалось возрастанием влияния личностных качеств, статусных и ролевых предписаний, поведенческих моделей на индивидуальное восприятие кончины.

При конструировании загробного мира сознание древних римлян воспроизводило черты единственно известного им образца – мира живых. Земная жизнь, наделенная смыслом, динамизмом, яркостью и насыщенностью, несмотря на все сложности и лишения, ценилась куда

больше, чем серое, рутинное, однообразное существование души в мрачной обители Плутона. Значит, и смерть для подавляющего большинства жителей «вечного города» наделялась негативными, пугающими чертами, а ее приход порождал чувства страха и отчаяния [35]. Однако с течением времени, проникновением иноземных философских идей, распространением христианства отношение к посмертному существованию души изменяется, наделяется большим весом и значимостью.

Таким образом, рассмотрение норм писаного права Древнего Рима, а также литературных памятников древнеримской цивилизации позволяют существенно детализировать отношение к смерти и потустороннему миру, проследить трансформацию взглядов на эти проблемы в умах представителей различных категорий римского общества.

Примечания

1. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей*. – М., 1989. – С. 114.
2. Его же. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти [Текст]. – М., 1992. – С. 6–7.
3. Его же. Категории средневековой культуры : в 2 т. – Т. 2 [Текст]. – М., 1999. – С. 7.
4. Его же. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти [Текст]. – М., 1992. – С. 6.
5. Опыт исследования проблемы смерти, накопленный в философии, психологии, истории медицины, представлен в работах таких выдающихся исследователей, как Ф. Арьес, К. Ламонт, Р. Моуди, З. Фрейд, В. Янкевич. См: Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти [Текст]. – М., 1992; Ламонт, К. Иллюзия бессмертия [Текст]. – М., 1984; Моуди, Р. Дальнейшие размышления о жизни после смерти [Текст]. – Киев, 1996; Фрейд, З. Мы и смерть. Танатология – наука о смерти [Текст]. – СПб., 1994. – С. 13–25; Янкевич, В. Смерть [Текст]. – М., 1999.
6. Отдельные аспекты проблемы смерти рассматривались в следующих работах: Велишский, Ф. Ф. История цивилизаций: быт и нравы древних греков и римлян [Текст]. – М., 2000; Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима [Текст]. – М., 1988; Гиро, П. Быт и нравы древних римлян [Текст]. – Смоленск, 2002; Сергеенко, М. Е. Жизнь в Древнем Риме: очерки быта [Текст]. – М.; Л., 1964.
7. В статье была предпринята попытка реконструировать представления населения Древнего Рима о смерти на основе двух групп письменных источников: актов и нарративных. К первой группе, включающей наиболее известные юридические памятники

древнеримской цивилизации, необходимо отнести Законы XII таблиц (середина V в. до н. э.), Институции Гая (II в. н. э.), Дигесты Юстиниана (VI в. н. э.). Нарративные сочинения представлены мифологическим эпосом Овидия «Метаморфозы», «коллективной биографией» римских правителей Гая Светония Транквилла, а также сочинениями римских сатириков I–II вв. н. э. («Эпиграммами» Марциала, «Сатирами» Ювенала, произведениями Лукиана).

8. Законы XII таблиц. URL: <http://ancientrome.ru/gosudar/12.html> (13.06.09).

9. Законы XII таблиц. VIII, 2, 9.

10. Законы XII таблиц. IV, 1.

11. Гиро П. Быт и нравы древних римлян [Текст]. – Смоленск, 2002. – С. 78.

12. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. – М., 2003. – С. 114.

13. Законы XII таблиц. III, 6.

14. Овидий Назон Публий. Метаморфозы / пер. с лат. С. Шервинского [Текст]. – М., 1977.

15. Там же. IV, 233; 237–244; VIII, 592–594.

16. Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима [Текст]. – М., 1992. – С. 179.

17. Законы XII таблиц. XII, 2 б.

18. Законы XII таблиц. X, 2–3.

19. Сергеенко М. Е. Жизнь в Древнем Риме: очерки быта. – М.; Л., 1964. – С. 321.

20. Упоминания о переносимой родственниками скорби в связи с утратой родственника либо близкого человека содержатся в использованных в статье древнеримских литературных памятниках.

21. Данная тенденция нашла отражение в тексте Институций Гая. URL: <http://ancientrome.ru/ius/source/gaius/index.htm> (13.06.09). Далее: Институции Гая ...

22. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей / пер. с лат., предисл. и послесл. М. Гаспарова [Текст]. – М., 1990; VI, 35.

23. В вопросах, касающихся роли и места женщины в древнеримском обществе, а также особенностей восприятия римлянами смерти, наиболее информативны следующие источники: Марциал Валерий Марк. Эпиграммы / пер. Ф. А. Петровского [Текст]. – М., 1968; Ювенал. Сатиры / пер. Недовича и Петровского [Текст]. – М., 1937.

24. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей / пер. с лат., предисл. и послесл. М. Гаспарова [Текст]. – М., 1990; I, 81.

25. Там же. II, 24.

26. Овидий. Метаморфозы, VIII, 83–84.

27. Институции Гая, I, 32, 52, 53.

28. Дигесты Юстиниана. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/index.php (13.06.09). Далее: Дигесты ...

29. Дигесты, XLIX, XVI, 6, § 7.

30. Дигесты, XI, VIII, 1, § 6.

31. История женщин на Западе: в 5 т. Т. I: От древних богинь до христианских святых / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. П. Шмитт Пантель [Текст]. – СПб., 2005. – С. 312.

32. Дигесты, II, II, 11, § 3.

33. Институции Гая, I, 13.

34. Кучма В. В. Государство и право Древнего мира [Текст]. – Волгоград, 1998. – С. 227.

35. Овидий, Метаморфозы, XV, 150–159.